

Любовь Колесник

Человек человеку труд

* * *

Прямо пойдёшь — болото.
Налево пойдёшь — болото.
Ещё одно поднимается изнутри.
Красивая птица из своего киота:
туруру тирири.

Невыразимое проступает слово
в складках коры.
Мир надламывается,
лопается, как слива,
проваливается в тартарары.

Остаётся ёлки скорченная конечность,
зелёная поросль из печени пня.
Позади Москва.
Впереди вечность.
Посередине — я.

* * *

Вьётся птица страдивари
над моею головой.
Я стою перед словами,
словно лист перед травой.
Лес с лицом старообрядца,
поле с дряблым животом —
не звучат, не говорят,
чуть побудут, а потом
начинают растворяться
даром паром
надо ртом.

* * *

Сциллы и другие первоцветы
молча вылезают из земли.
Сциллы, под землёю есть поэты?
Говорят — искали, не нашли.

Кровь и почва есть, нашлись и корни,
мокнет глина, спит вороний глаз,
молча на берёзовой иконе
короед скоблит сырой левкас.

Не хочу, не надо, не такую!
Тише, Сциллы! Смолкни, небыль вся!
Посмотрите, как они ликуют,
чикают, курлыкают, токуют,
под суровым облаком висят.

* * *

Над совиным лесопарком
птица, быстрая помарка.
В сером воздухе весна
из-под горя не видна.

Горе, скройся! Птица, взвейся!
Человек под ней, рассмейся!

Смотришь в небо — нет, едва ли.
Небо мелют жернова.

Песня, нитка-прилипала,
липнет к краю рукава:
День прошёл, а я отстала,
день прошёл, а я жива.

* * *

Тропа зарастает лесом, как след пореза.
Если цокнуть над полем, в земле зазвенит железо.
Дробный бег кабанов, заполошный пролёт тетёрок.
На болотах багульник вырастает из гимнастёрок.

Здесь была деревня, а нынче растут деревья,
здесь была война, а нынче вода темна —
вот и вся недолга, проста и крива, как стремя,
вечная весна.

Надо мной пустота, начинаемая с затакта —
ни кола ни двора, ни трактора и ни танка.
Под моими ногами, где пахота не достала —
погнутая звезда из памяти и металла.
Жестяное небо летит и горит дотла.
Как мне сказать, чтоб музыка, музыка здесь была?

* * *

Я рубец обороны Москвы.
Я рыбак, ожидающий реку, —
вот она покидает болото,
измождённое русло.

Покачнётся и грянет по медным, железным порогам,
костяным ступеням —
вприпрыжку, не наступая.
В изголовье лес раскачивает стропила,
снег перебирая, ветер летит стопалый.

Скрытая вода напита́на родниками,
наполнена моими родными —
страшная на вкус, мягкая на ошупь.
В ней ольха и ель согревают корни,
бурой кожурой обрастает камень.

На камне птичка — смотрит черничным глазом:
— Человек-человек, ты зачем здесь?
— Жду, когда смерти не станет.
Жду, когда будет счастье.
За каким рубежом?

— Жди-жди, — говорит птичка.
— Динь-динь, — говорит речка.
Я молчу.

* * *

осколок берёзы в пашне торчит
или аист ходит
белый люпин цветёт или свет меня сверху видит
я как будто иду полем
но вроде
и расту там среди волчьей ягоды волчьей сыти

волчьей сути во мне осталось на дне
на небе
яблоко распадается двигаясь по наклонной
я человек глиняный
столп с немотой на нёбе
за моей спиной
деревья идут колонной

я человек вечный
я человек привычный
я человек не знающий что желаю
кто там вдали неразличимый и безразличный
белый обломок дерева
птица сторожевая

* * *

Ни бензина, ни завтра, ни слёз,
лишь дороги надтреснутый суржик.
За окном постоянный покос,
поселянка ругается с мужем.

Это жизнь и её полчаса.
Здесь грубы пацанов голоса,
словно травы к исходу июля.
Мчится овода серая пуля.

Я убит, я лежу на спине
и курю в безвозвратное небо.
Я не по, я не до, я не еду —
едет страшное что-то во мне.

Недогород с дорогой вокруг
рассыпается глиной из рук,
распадается вместе со мною
на зевоту, икоту, испуг.
Я убит, я лежу и не ною.

Пар идёт из асфальтных пещер.
На ребре застывает монета.
Ни покоя, ни сна, ни инета,
ни меня, ничего вообще.

* * *

Я забыл, как меня зовут, —
дай мне имя своё, любое.
Человек человеку труд.
Скошена половина поля,
на другой половине
бродят судьба и птица,
печенег и половцы пишат передовицы.

Только плечи расправишь, и
сразу тянет чесать за ухом.
Птица спрашивает — вы чьи?
Мы цыганочка с чибатухой.
В небе дырки от пуль,
в кармане тугая дуля.
Кто идёт? На словах — берёзка, а с виду туя.

Половина поля в огне,
половина в озеленении.
Половина дела во мне,
половина в остервенении.

Я вперёд шагаю берегом топким манным:
хорошо безымянным,
радостно безымянным.